

Воздух кажется чист
и тягуч,
Ночь тепла... И совсем
не верится,
Что сквозь стены
незримый луч
В нас прямою наводкою
целится...

— Я в ту ночь не спала — сынишке два года исполнилось. Вдруг — грохот. Подбежала к окну и увидела зарево над станцией. А утром, как обычно, поехала на работу. Проходная закрыта и на станцию зайти не разрешают. А я переживаю — у меня наряды не закрыты (я тогда контролером по сварке в турбинном цехе работала). Так и не пустили. Постояла с людьми, посмотрела на четвертый блок — дымит. Делать нечего, села в автобус и обратно.

Любовь Захарова приехала на станцию в 1978 году. Получила квартиру в Припяти. Здесь появилась семья, друзья, интересная работа.

— Как раз суббота была. Людей в городе полно. Что дома делать? Отправилась на дачу, это недалеко совсем. Целый день на огороде возилась, цветы садила... Когда домой вернулась — удивилась. Все говорят об эвакуации. Как-то не верилось. Бросить Припять? Хотя бы на время? Даже

представить было невозможно. Но бросить пришлось и надолго... Боль в себе затаив, все мы шли из домов, покидая в них то, что нам свято и дорого... Молча шли в неизвестность... Ведь не было слов, трудно было прощаться с любимейшим городом.

ЗЕМЛЯ ЦВЕТОВ

Поселились в Полеском. Хозяйка — старушка все молоком поила, сала давала, картошку. Для эвакуированных пайки продавали по 12 рублей, но купить было не за что. У нас ведь ни денег, ничего. Потом оказалось, что эти продукты бесплатно должны были выдавать.

Здесь у Любы и детей совершенно неожиданно ухудшилось здоровье. Списывали все на перемену пицци. Вскоре отправились к матери, в Таганрог. Все дальше и дальше от «любимейшего города».

Таганрог, город детства, встретил Любу и ее семью сиреной «скорой», которая умчала их в Ростов-на-Дону, в клинику. Там прошли полтора месяца.

Добром отозвались на боль утративших кров сердца ростовчан. Люди несли одежду, все, что могли. Тяжело было свыкнуться с мыслью, что у тебя нет ничего своего, даже собственной иглы с ниткой. Люди делились всем... Было непонятно: почему женщины плачут, принося детскую одежду. Ничего, скоро домой. Там, наконец-то, все станет на свои

места. А потом эта газета... Правик, Кибенок, Игнатенко... Только после этого поняли все.

В бой пожарники смело шагнули, Черной ночью по крыше метались, Смерти прямо в глаза заглянули И в той ночи навеки остались.

Сейчас, наоборот, все очень четко выкристаллизовывается. На работу ездили каждый день по знакомой дороге, через деревню Копачи. Теперь пустые Копачи. Мороз по коже. И каждый раз хотелось закрыть глаза, когда их проезжали... А дальше — станция пересадки.

Здесь по бетону восемь шагов в будни, привычно-опасные, люди проходят без лишних слов из чистых автобусов в «грязные». Здесь начинается к мужеству путь, к подвигу каждого дня. Кто ухитрился с него свернуть — предал друзей и себя.

Так и восстанавливали станцию: день за днем, шаг за шагом. Здесь больше половины были те, с кем работали до взрыва. Они и потом остались, когда нужны были специалисты для третьего блока.

Здесь дни у нас в рассветах и закатах, Минута каждая — в большой цене. Здесь капли пота переходят в киловатты И током убегают по стране.

— Может, это я еще в первые дни после аварии дозу «схватила». Тогда ведь все было заражено, а я в огороде копалась. Мы потом видели деревья на даче — рыжие все, сгорели. Ну а я, наверное, покрепче. Лишь весной 87-го облечение дало о себе знать...

И вновь клиника. Теперь уже киевская. Пропила курс лечения, в городе задерживаться не стала — опять на станцию.

...Даже снится порой у твоих мы дверей, И не знает никто, как сейчас ты нам дорог... Ждешь своих сыновей, ждешь своих дочерей Верный нам до конца — замечательный город!

Сергей МАЛОВИЧКО.